

Алексей Будищев

Жажда жизни

Алексей Николаевич Будищев

Жажда жизни

Аннотация

«— Жажда жизни? — переспросил старик Карачаров, приподнимаясь на траве и открывая глаза, — жажда жизни ради самой жизни, жизни во что бы то ни стало, право же я не понимаю, что вы находите в этом чувстве хорошего?»

Он замолчал, прислонился спиной к столу и снова закрыл глаза. Старик Карачаров, крупный и длиннородый, с виду похожий на патриарха, возвращался вместе со мною с охоты по куропаткам в его дачах. Выйдя из лощины, крепко забитой низкорослым кустарником, мы расположились в поймах, щедро залитых сентябрьским солнцем. Привалившись к стогу, мы грелись на припеке, жмурили от солнца глаза и лениво беседовали. Прямо перед нами ровной зеленой скатертью лежали поймы, замкнутые слева громадным, в несколько верст озером. Его поверхность, всю залитую солнцем, рябил мягкий ветерок, и от этого света и ветра по озеру непрерывными рядами бегали светлые огоньки, как по серебряной кольчуге....»

Алексей Будищев

Жажда жизни

– Жажда жизни? – переспросил старик Карачаров, приподнимаясь на траве и открывая глаза, – жажда жизни ради самой жизни, жизни во что бы то ни стало, право же я не понимаю, что вы находите в этом чувстве хорошего?

Он замолчал, прислонился спиной к столу и снова закрыл глаза. Старик Карачаров, крупный и длиннородый, с виду похожий на патриарха, возвращался вместе со мною с охоты по куропаткам в его дачах. Выйдя из лощины, крепко забитой низкорослым кустарником, мы расположились в поймах, щедро залитых сентябрьским солнцем. Привалившись к столу, мы грелись на припеке, жмурили от солнца глаза и лениво беседовали. Прямо перед нами ровной зеленой скатертью лежали поймы, замкнутые слева громадным, в несколько верст озером. Его поверхность, всю залитую солнцем, рябил мягкий ветерок, и от этого света и ветра по озеру непрерывными рядами бегали светлые огоньки, как по серебряной кольчуге.

Кругом было удивительно хорошо. Солнце грело так мягко и нежно, почва благоухала так радостно, а самый воздух, весь пронизанный теплым сиянием, обливал все живое такою ласкою, такою чарующей прелестью, что разговор о жажде жизни казался самым подходящим. Между тем, Карача-

ров снова открыл глаза.

– Возьмите, – продолжал он, – это стремление жить в наибольшем его напряжении, и вы увидите, сколько в этом чувстве подлости и какое могучее отвращение оно способно возбудить в нас.

Карачаров снова помолчал минуту и затем продолжал в ленивой задумчивости:

– Мне кажется, что в мире животном жажда жизни ради самой жизни совершенно отсутствует или во всяком случае никогда не достигает крайности. Иначе, чем мы объясним ту самоотверженность, с какою самка синицы защищает своих птенцов от нападений кошки? По-моему, есть только один закон, которому все без исключения животные подчинены до забвения всего, до жестокости до попрания всех прав. Это закон сохранения вида. И вероятно закон этот лежит в основании величайшей мысли, если он проникает все живое с такою силою. Животный мир как будто трудится над созданием великой лестницы, по которой он со временем взойдет на небо и увидит необычайные горизонты. Животные создают эту лестницу с жестоким упорством, ступенька за ступенькой, ревниво оберегая каждую ступень, и ради нее, ради этой ступени, готовы положить тысячи жертв, пролить целые моря крови. Какой необычайной красоты должны быть эти горизонты, если одна из самых низких ступенек ведущей к ним лестницы оправдывает перед высшим правосудием все эти бесконечные моря пролитой крови?

Карачаров опять замолчал и долго сидел неподвижно, прислонившись спиной к стогу и устремив взор вдаль, как будто разглядывая там что-то.

– Что это будет за существо, – продолжал он, – которое встанет там, наверху этой лестницы? Во всяком случае, я свято верю, что это будет не та себялюбивая сверх-собака, боготворящая себя и свое хотенье, которую современные нищешанцы пытаются выдавать за сверхчеловека. Нет, это будет совсем не то, совсем не то!

– Сверх-собака, – сделал Карачаров резкий жест, – она, может быть, и появится, она, может быть, уже и начинает появляться; сперва сверх-собака, а затем сверх-фисдешьены. Но они появятся и уйдут, оставив после себя нехороший запах, и только! Ведь они же съедят сами себя! Ведь это же их сверх-собачий принцип!

Карачаров сердито сверкнул глазами и внезапно добродушно рассмеялся.

– А жажда жизни, – вновь возвратился он к первоначальной теме, – я испытал ее однажды в мою жизнь, и мне до сих пор мерзко и стыдно при одном воспоминании об этом миленьком чувстве.

– Хотите послушать? – спросил он меня, плотнее приваливаясь к стогу.

– Видите то озеро? – начал он, указывая на водную поверхность, по которой бегали светлые огоньки. – Это было давно. Мне было 25 лет, я только что женился и был влюблен

в мою молоденькую жену по горло. Я не разлучался с нею ни на минуту, и рука об руку мы совершили с нею много чудных прогулок. Как-то нам пришла фантазия проехаться по этому озеру в крошечной лодке. В лодке так было тесно, что нам приходилось ежеминутно целоваться. Целью нашей прогулки мы наметили островок, лежавший в то время почти посреди озера и представлявший собою премилую лужайку не более двух квадратных саженей, на которых росло четыре куста черемухи. Первые два куста мы называли «рощей счастливой пары», а два вторых «лесом первой размолвки». Теперь этого острова не существует; его смыло водою, но в то время он лежал среди озера, как душистый цветок, а эти четыре куста цветущей черемухи походили на сугробы снега. Итак, мы благополучно прибыли на этот остров. Две квадратных сажени для двух влюбленных – это слишком большая площадь, и почти весь остров мы великодушно уступили во власть куликов, а сами заняли не более аршина и сидели так близко друг к другу, что юбки жены все время хлопали меня по носу. Конечно, это происходило оттого, что поднялся ветер. В тихую погоду юбки жены обыкновенно относились к моему носу с большим уважением. По правде сказать, я только по этому и догадался, что поднимается ветер. Между тем ветер крепчал и вскоре превратился в самую настоящую бурю. По озеру заходили сердитые с белым гребнем волны, которые били в берег нашего островка, как свинцом. Они как будто позавидовали нашему

безмятежному счастью и решили сбросить в воду и «рощу счастливой пары», и «лес первой размолвки». Кулики с беспокойным свистом попрятались кто куда, а черемухи пригибались к самой земле, как испуганные девушки, и бросали свои белоснежные цветы на мутную поверхность озера, точно желая умиловить его гнев. Конечно, было бы лучше всего, если бы мы решились заночевать на острове и переждать бурю. Но мне захотелось разыграть из себя храбреца, забубённую головушку, и я стал звать жену домой. Мне было стыдно спраздновать в ее глазах труса, так как я только что уверял ее, что я силен, как Голиаф, плаваю, как бобер, а ныряю, как тот легендарный англичанин, который нырнул по ту сторону Ламанша 25 лет тому назад и до сих пор еще нигде не вынырнул. Я звал жену настойчиво, и жена верила мне себя. Мы пустились в путь в нашей лодочке. Около берега мы еще кое-как держались, но когда мы отъехали дальше, нам пришлось круто. Вокруг нас свистел воздух и шипела вода; поверхность озера то взбучивалась светящимися буграми, то проваливалась темными ямами. И вскоре вместо весел, в моих руках очутился зонт жены, и я услышал ее пронзительный крик. Нас куда-то приподняло, затем погрузило с отвратительным шипеньем куда-то вниз, и внезапно я очутился в воде, а руки жены легли вокруг моей шеи. Как оказалось, нашу лодку опрокинуло, захлестнуло водою и потащило ко дну. Мы остались одни среди свирепого озера. Я попробовал было поискать ногою дно и не нашел его. Здесь

было глубоко, и вокруг нас не было ничего, решительно ничего, за что мы могли бы ухватиться. Только цветок черемухи плавал почти вровень с мертвенно-бледным лицом моей жены. И ничего больше. Я плавал плохо, много хуже бобра и чуть-чуть получше свинцовой пули, а теперь мне приходилось и плыть самому, и тащить на себе жену, помертвевшую от ужаса и как будто потяжелевшую вдвое. Кое-как я все-таки подвигался среди шипящих бугров и свиста ветра, с громадным трудом преодолевая каждый шаг. А между тем берег был еще далек, и глубина озера оставалась все такой же. Я работал руками и ногами с яростью. Первоначально, кроме бешеной злобы на взбунтовавшуюся стихию я ничего не чувствовал, но злость была дикая, свирепая, и если бы в моих руках была власть, я превратил бы воды всего света в ничто. Вскоре, однако, я стал изнемогать; волны хлестали мне прямо в лицо и приводили меня в ярость. С отчаянием я видел, что силы покидают меня, что сейчас я пойду ко дну, погружусь навсегда в эту темную яму и никогда в жизни не увижу больше неба, травы, ветки черемухи. Я понял, что не будет такой цены, за которую мне продали бы все это хотя на один миг. И мне захотелось всего этого, – и неба, и ветки черемухи, – до боли, до страдания, В то же время мне пришло в голову, что если бы я был один, я мог бы выплыть, а с женою я обречен на смерть. Вместе с тем мне показалось диким умирать лишь потому, что моя жена не умеет плавать. Если бы я имел средства и силы спасти ее, мой риск был бы

понятен, но ведь я не мог этого сделать, так с какой же стати я должен умирать вместе с нею? Не лучше ли снять ее руки с моей шеи? Что лучше смерть одного человека или двух? Эти мысли проходили во мне вихрями. Однако, я еще барахтался в изнеможении среди бушевавшей воды. Сквозь мутные волны свистевшего и шипевшего озера я видел зеленый берег лугов, и он звал меня, этот берег, звал к жизни могучим и властным криком, и все мое существо внезапно рванулось на этот зов. Нехорошее чувство пронизало меня всего и расплавало во мне все человеческое достоинство, как удар молнии плавит песок. Во мне зажглось непреодолимое желание жизни, – жизни, какой бы там ни было. Я согласился бы стать чудовищем, выродком, самым последним негодяем, лишь бы только жить, жить, жить! И это чувство превратило меня в гадину. Я сделал движение, жест, или вернее, намек на жест чтобы отцепить руки жены от моей шеи. И жена поняла меня, хотя, повторяю, это был лишь намек на жест; она прошептала, судорожно стиснув мою шею руками: «ради Бога, ради Бога!» Этот шепот снова превратил меня в человека. Я крепко обнял ее стан, как бы прося у нее прощенья, и лишился сознания. Нас вытащили рыбаки.

Карачаров вздохнул, минуту помолчал и продолжал:

– Если бы кто-нибудь за день до этого случая предсказал мне, что я способен сбросить с своей шеи руки утопающей женщины, я наплевал бы тому человеку в глаза. В то время я мнил себя полубогом, венцом создания, и не подозревал,

какое скромное местечко занимаем мы на ступеньках великой лестницы. Только позднее я понял, что в отношении себялюбия мы, пожалуй похуже самого заурядного животного. Те, главным образом, дорожат ступенью, видом, а мы – собственной своей персоной.

– Я до сих пор не могу отдать себе отчета, – сделал Карачаров жест, – как поступил бы я, если бы не услышал шепота жены? Сбросил бы я ее руки с моей шеи, или же мое движение осталось бы одним только намеком? По чистой совести, я не умею на это ответить, и вы понимаете, как это больно для моего полубожеского достоинства!

Карачаров переменял позу и продолжал.

– Я должен был расстаться после этого с женою. Она боялась и презирала меня. Она никак не могла забыть того чудовища, которое хотело толкнуть ее в волны озера. И она была права. Я презираю себя до сих пор за тот ужасный момент. С женою я встретился много лет спустя, она была уже в то время женою другого, и у них были дети. Когда мы остались с нею наедине, я встал перед нею на колени, вторично прося у нее прощенье. Она заплакала и ушла от меня. Я понял, что она оплакивает свою первую любовь и по-прежнему презирает меня, как гадину. Образ чудовища, очевидно, запечатлелся в ее воображении навсегда.

– Вот что это за чувство жажда жизни! – со вздохом заключил Карачаров.

И он замолчал.

Я задумчиво глядел на озеро. По его блестящей поверхности по-прежнему бегали светлые огоньки, и оно как будто все смеялось и ликовало. Звонкий плеск его тонких волн походил на смех. Казалось, оно торжествовало, припоминая, что когда-то ударами своих мутных волн оно превратило человека в гадину.

Вероятно, и на Карачарова это сияние озера производило такое же впечатление, так как он в грустной задумчивости добавил:

– Вот оно смеется теперь, это озеро. Оно точно глумится над нами и хочет сказать, что оно сильнее нас и способно, когда только ему заблагорассудится, разбить своими волнами все наше великолепное самомнение вдребезги!